

Поэты Сибири – рупор Победы

К 1 Прошло 75 лет победы над фашизмом. Приглашаю Вас посетить портретную галерею сибирских поэтов – участников Великой Отечественной войны.

Великая Отечественная война — особая страница в русской словесности. Эти пропахшие порохом, густо пропитанные кровью годы отозвались в литературе долгим эхом. Свое весомое, выстраданное и талантливое слово о самой страшной и жестокой из всех войн сказали сибирские поэты.

Слово «сибиряк» является синонимом стойкости и сметки, самоотверженности и чувства локтя сражающихся советских солдат.

А характер поэзии и поэтов зависит от характера народа, который они представляют. В первые же дни войны, 23 июня 1941 года, в обращении, напечатанном на страницах газеты «Советская Сибирь», они заявили: «Будем бить врага и штыком и пером. Что и делали подчас в самом буквальном смысле. Прежде всего — поэты-фронтовики, воевавшие в составе сибирских дивизий. Многие пали смертью храбрых.

К 2 Открывает нашу портретную галерею Иван Краснов.

Родился он не в Сибири. Первая книга стихов Краснова «Сиявский бор» была издана в Новосибирске в 1962 году. Публиковался Иван Георгиевич в журналах «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «Советский воин».

Краснов <...> много писал о жизни сибирского села и замечательной природе Сибири, которую умел передавать с подлинно песенным лиризмом. Большое место в творчестве И. Краснова занимает Великая Отечественная война. В изображении ратных будней поэт сочетал героiku и пафос с живыми «подробностями войны», солдатского быта, который знал не понаслышке.

К 3 Каждому сибиряку известны его строки:

*В Сибири не было войны
Но бесконечны павших списки.
В Сибири не было войны,
Но в каждом парке обелиски...*

К 4 У поэтов-сибиряков много общего и различного. Молодость. Сибирь. Страсть к поэзии. Война – вот что объединяет их. Но голос у каждого свой, неповторимый. У всех были мечты свои...

Но разве можно мечтать о другом, когда опасность пришла к самому порогу Родины! Оказалось, что интеллигентность, мягкость характера – не помехи для суровой схватки с врагом. Воспитанные на тонкой и изящной поэзии «**лобастые мальчишки революции**», как сказал о своем поколении Павел Коган, ринулись в военкоматы, настойчиво добиваясь отправки на фронт.

Они погибли, освещая своим подвигом путь к сегодняшней поэзии.

Любите жизнь, войну не забывайте,

Не забывайте, милые, про нас...», такое завещание оставили нам поэты-сибиряки: Георгий Суворов, Евгений Березницкий, Георгий Доронин, Иван Ветлугин, Александр Смердов, Леонид Решетников, Николай Перевалов, Иван Краснов, — поэты - сибиряки, поэты – воины.

Всем им пришлось пройти с боями не одну сотню километров фронтовых дорог.

Не все стихи блещут совершенством, ведь авторы были очень молодыми. Им некогда было оттачивать строки – стихи писались в окопах и блиндажах. Когда читаешь стихи этих поэтов, в горле встает ком. Сколько поразительных судеб оборвала война! Этого не забыть...

К 5 ЕВГЕНИЙ БЕРЕЗНИЦКИЙ

(9 августа 1909, Киев — начало октября 1941, под Ельней) — русский советский поэт и прозаик, журналист, переводчик, одним из первых сибирских поэтов ушел добровольцем на фронт.

Сын киевского врача. В 1911 году семья переехала в Сибирь. В 1928 году после окончания школы в Томске уехал сначала в Новосибирск, потом в Кузбасс, где работал строителем на возведении металлургического комбината.

С 1935 и вплоть до войны Е. Березницкий — литсотрудник газет «Советская Сибирь» и «Кузбасс».

Фольклорист. Собирал и переводил произведения устного творчества коренных жителей Горного Алтая. Он уже был сложившимся литератором, писал для взрослых и детей, но война сразу властно вошла в его поэтическое сознание. **И хотя стихов о войне у Е. Березницкого сохранилось мало, даже в том немногом можно услышать и почувствовать ненависть к врагу и жажду священной мести за поругание родной земли:**

За каждый колос опавший
С твоих, отчизна, полей,
За каждый волос упавший
С головок наших детей,
За стон от боли жестокой,
Слетающий с братских губ,
Оплатим мы око за око,
Оплатим мы зуб за зуб...

К 6 «Но до последнего готов я вдоха

Сражаться за грядущее твое».

Моисей Рыбаков

Моисей Рыбаков родился 21 января 1919 года в г. Иркутске. Уже в школе он пробует писать стихи. Затем поступает на физико-математический

факультет Иркутского института, но писать стихи не бросает. Он мог стать физиком, математиком, поэтом. В 1941 г. добровольцем ушёл на фронт.

Мы скромно отмечаем даты,

Дни юбилеев и места.

Мы свыклись.

Мы давно солдаты.

Солдатская судьба проста.

Кого не караулит пуля,

Тому, быть может, не понять:

Июньский день на день июля

Легко и радостно менять.

А так и есть на самом деле.

Истекший день предав огню,

На целый день мы ближе к цели –

К желанному победы дню!

И он наступит, и тогда-то,

Чтоб глубже радостью хмелеть,

Как люди, а не как солдаты,

О прошлом будем сожалеть.

(«Мы скромно отмечаем даты...»)

Молодому поэту не суждено было услышать салютов в честь нашей победы над фашизмом. **Погиб 17 июля 1943 года** неподалеку от с. Русское Ростовской области в возрасте 24 года. Посмертно награждён орденом Отечественной войны I степени и орденом Красной Звезды.

К 7 Из стихов Моисея Рыбакова

«Письмо к матери и сестре»

Когда-нибудь, я верю, это будет, –

В спокойный час, у тихого огня

Познавшие иное счастье люди

Из уст твоих услышат про меня

Охваченная радостным и новым

Свободная, счастливая семья

Услышит и помянет добрым словом

Меня за то, как жил и умер я.

А как живу я, знаешь ты неплохо:

«Из боя в бой – солдатское житье

Но до последнего готов я вздоха

Сражаться за грядущее твое».

С годами, может, сыну или внуку

Ты, бабушка седая, или мать –

Расскажешь про нелегкую науку

Сражаться, ненавидеть, побеждать.

Опять бои... И, двигаясь упрямо,

По снежным селам,

среди гремящей тьмы,

в часы затишья с детским словом «мама»,

с таким родным не расстаемся мы.

И каждый вспомнит о своем, о дальнем,

о летнем зное, стуже ледяной,
о светлых днях,
о детстве беспечальном,
о шумных играх
и о ней, родной...
Стучит метель обледенелой рамой.
В чужом дому,
за тридевять земель
два русских слова: РОДИНА и МАМА
к нам прилетают в холод и метель.
Как близнецы, они неотделимы,
они — одно, и нам без них не жить.
Бесценный клад их в сердце сберегли мы
с тех пор, как научились говорить.
За каждой кочкой,
рытвиной и ямой
мы бьемся, стиснув зубы,
до конца...
Два русских слова —
РОДИНА и МАМА
отвагой вдохновляют нам сердца.

* * *

Честное слово, что горевать!
Жить — через все бои.
Губы соленые целовать,
Жаркие губы твои.
Даже не знал, как счастливо мы
Жили тогда, до войны.
Горести — мимо. Потоку тьмы
Нас не согнуть. Мы сильны.
У каждого что-то свое позади:

Горы, река, тайга,
Русые косы на крепкой груди,
Свет и тепло очага...
Честное слово — что горевать!
Жить — через все бои.
Яростней, злее с врагом воевать,
Чтобы вернуться и целовать
Нежные губы твои.

К 8 Богатков Борис Андреевич (1922 – 1943)

Борис Богатков родился 3 октября 1922 года в селе Балахта, близ Ачинска Красноярского края. После смерти матерон приехал в Новосибирск и поселился вместе с тетей Танечкой, как он её звал, и её семьёй, по ул. Октябрьской 3 (первый этаж). Борис был средним учеником, но больше всего любил историю и литературу, особенно поэзию. Любимым поэтом был Маяковский. Борис Богатков принимал активное участие в жизни школы.

Шли годы. Борис рос, мужал, набирался сил. Будучи подростком он много времени уделял спорту - любил футбол, плавание, лыжи, легкую атлетику. Он был выше среднего роста, легкоатлетического сложения. В эти годы Борис отличается от многих своих друзей твердостью характера,

большой силой воли, смелостью. Никогда не был безразличен к тому, что происходит в жизни, любое важное событие в нашей стране и за рубежом волновало его.

И вот 1940 год, последний предвоенный год. Борис стремиться сделать как можно больше, его пылкий ум и мечущаяся натура мечтает о больших делах.

Грохот пушек 22 июня 1941 года возвестил миру о начале Великой Отечественной войны. Борис Богатков, придя в военкомат, попросился в летное училище. Он мечтал о небе, но не о полёте в мирном небе, а о жесткой борьбе с фашистами, чтобы сегодня ярко сияло солнце.

С тех же пор, когда Б. Богаткова призвали в армию, Родина и война стали главной и единственной темой его поэзии. Впрочем, то была не просто тема, а скорее заполнившее молодого поэта без остатка чувство, в котором поэт и гражданин, беззаветно любящий свою страну, слились воедино:

Впереди — города пустые,
Нераспаханные поля.
Тяжко знать, что моя Россия -
От того леска не моя...

Поклялись мы, что встанем снова
На родимые рубежи!
И в минуты битвы суровой
Нас, гвардейцев не устрасит.

Посмотрю на друзей-гвардейцев:
Брови сдвинули, помрачнев.
Как и мне, им сжимает сердце
Справедливый священный гнев.

Ливень пуль, сносящий пилотки,
И оживший немецкий дзот...
Только бы прозвучал короткий,
Долгожданный приказ: «Вперед!»

К 9 Шел 1942 год. В Новосибирске формировалась Сибирская добровольческая дивизия. И вот однажды вечером с учений шли солдаты. Несли на плечах минометный стволы, противотанковые ружья, пулеметные станки. “Запевай” - приказал старшина, и запеваля голосами хриплыми от пыли и жажды, начали:

*На родном зауральском заводе
Крепко сделан, фашистам на страх,
Он у каждого есть в нашем взводе,
Он в надежных гвардейских руках,*

*Мы прогоним врага до границы,
С боем вражий рубеж перейдем
До проклятой фашисткой столицы,
С автоматом сибирским пройдем!*

Они не знали, кто написал слова этой боевой походной песни о гвардейском автомате, не видели, что уже несколько вечеров подряд под высокими тополями стоит белокурый юноша в старой шинели и, слушая песню, кусает губы, чтобы не разрыдаться от счастья.

Богатков продолжает сражаться. Он прислал письмо “треугольник” своему другу Николаю Мейсаку, в котором писал: “Ты и представить себе не можешь, как я счастлив. На мне снова военная форма, я сержант Сибирской добровольческой дивизии.

В августе 1943 года войска Западного фронта, в составе которого сражалась Сибирская добровольческая дивизия, громя фашистов, вышла на

дальние подступы к старинному русскому городу Смоленску. На пути сибиряков встали сильно укрепленные противником Гнездиловские высоты, близ станции Павлино. Гнездиловские высоты были важнейшей ключевой позицией: они прикрыли коммуникации фашистских армий.

Особенно сильно укрепил враг высоту, обозначенную на полевых картах отметкой 233,3. Более двухсот огневых точек насчитывали разведчики, девяносто вагонов снарядов израсходовали на высоту артиллеристы. Гнездиловские высоты надо было брать.

И командование приказало: "Высоту 233,3 штурмует Новосибирский полк"....Уже дважды бросался полк на штурм вражеских укреплений, но откатывался назад, залёг в высокой ржи. Дважды автоматчики гвардии сержанта Богаткова поднимались в атаку и, прижатые бешеным огнём, ложились на сухую дымящуюся землю. Богатков, разгорячённый боем, тяжело дыша, смотрел на своих солдат. Уже второй раз отходит взвод. Сколько погибло ребят, а сколько ещё побьют, Проклятые!

Неужели вражеские пулемётчики сильнее его, Бориса Богаткова, сильнее его товарищей-сибиряков? А что если... Если вот сейчас в этом адском грохоте запеть песню. Свою новую песню, которую он только что закончил. Запеть во весь голос, чтобы услышал полк?

Огромнейшим усилием воли он заставил себя оторваться от земли. "Стой, Борис! Куда?! – закричали солдаты. – Ложись!" Но он встал, оглянулся и, бросив потрясённому взводу короткое и властное "запевай" во весь рост двинулся вперёд, прямо на вражеские пулемёты.

Несколько мгновений изумлённые солдаты смотрели на своего командира. Высокий, сильный, с лицом, чёрным от пыли и дыма, он упрямо шёл вперёд, не падая, не оглядываясь, шёл и всё громче пел песню, которую написал сам и теперь, как знамя, понес впереди полка:

***Мы вышли из заводов, пришли с полей колхозных
Новосибирской области родной.
Немало получили враги ударов грозных
От гвардии сибирской огневой!
Нас месть ведет в атаку и наш порыв неистов,
Мы все преграды превращаем в пыль,
Чем дальше мы на запад идем, громя фашистов,
Тем ближе к нам родимая Сибирь!***

В тот миг, когда пробиваясь сквозь шум боя загремела подхваченная сотнями голосов песня, немецкие пулемётчики прекратили огонь. Они с ужасом смотрели на людей, поднимающихся в разных концах поля с громкими яростным припевом:

***Всё, гвардеец, в боях изведай:
Холод, голод, смертельный риск –
И героем вернись с победой
В славный город Новосибирск:***

Немцы повели огонь ещё злее, ещё ожесточённое, но первые цепи сибиряков уже прошли вперёд. Люди падали, но песня неудержимо и грозно надвигалась на фашистские окопы и вот в какое-то мгновение перешла на русское “ура-а-а”!

Сибиряки ворвались в немецкие траншеи. Схватка была стремительной и острой. Борис бил врагов из автомата, колол своим трофейным кинжалом, но когда он преследуя немца, прыгнул в окоп, другой фашист, раненый, не добитый, напрягая последние силы, дотянулся до автомата и... дал очередь в спину Бориса.

Гнездиловские высоты были взяты. А после боя, собрались на опушке рощи усталые бойцы. И подходя к развесистой березе, низко склоняли головы. В тени ветвей на окровавленной шинели, неподвижно лежал их любимый друг и командир, юноша с чистой душой и ласковыми глазами.

Так, прожив на свете чуть более двадцати весен, погиб сибирский поэт, воин-комсомолец Борис Андреевич Богатков.

К 10 - 11 ГЕОРГИЙ СУВОРОВ

Одним из самых талантливых среди сибирских поэтов был уроженец Хакасии Георгий Суворов. Студентом пединститута он был призван в 1939 году в армию, а с первых дней войны находился в составе Панфиловской дивизии. После ранения под Ельней и госпиталя весной 1942 года Суворов попал на Ленинградский фронт, а спустя два года, 14 февраля 1944 года, в бою за переправу на реке Нарови, гвардии лейтенант Георгий Суворов погиб при отражении танковой атаки. Он был искромсан осколками весь.

Умер Георгий Кузьмич Суворов в медсанбате, повторяя в бреду фамилию своего любимого поэта, романтика и участника Гражданской войны Николая Тихонова, автора знаменитого стихотворения «Баллада о гвоздях». Самое поразительное то, что за несколько дней до гибели Георгий Суворов написал стихотворение, которое служит эпитафией, не только ему, но и всем безвременно

погибшим

на

фронте:

К 12 * * *

Ещё утрами чёрный дым клубится
Над развороченным твоим жильём.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнём.
Ещё ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.
Ещё война. Но мы упрямо верим,
Что будет день, — мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а всё-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло.
В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней, —
Свой добрый век мы прожили как люди —
И для людей.

Меня буквально потрясают прощальные слова, уходящего навеки человека, с провидческими строками этого человека: «...Мой милый друг, а всё-таки как быстро, Как быстро наше время протекло...»

«Георгий Суворов»

О чем он думал,
двадцатидвухлетний —
усы еще едва-едва видны, —
Когда бежал в атаку в день тот летний,
под Старой Руссой, в первый год войны!
Когда лежал не койке госпитальной
и, оклемавшись,
в блиндаже сыром
писал стихи под гром пальбы недалекой
в ненастном сентябре, в сорок втором.
Когда он шел в блокадном Ленинграде,
по Невскому, под тусклою луной,
и вспоминал в ночи
как о награде
о солнце над сибирской стороной.
О чем он думал, лежа под обрывом,
когда на взвод
с противной стороны
рванули «тигры» с лязгом и подвывом
в то утро, в предпоследний год войны.
Когда весь свет казался черным адом,

сама земля вставала на дыбы,
и взрывы мин вдруг вырастали рядом,
как грозные железные столбы!
О чем он думал,
жизни не видавший,
любви еще не знавший лейтенант,
лишь только про себя еще державший
ту мысль, что, может, вправду он —
талант.
Ничем от мин и пуль не защищенный,
лежавший там,
как будто на золе,
на той,
перекореженной, сожженной,
со снегом перемешанной земле!
Нет, не о смертной
думал он остуде, —
а думал, что, живя среди смертей, —
свой добрый век
мы прожили как люди
и для людей. Автор Л.Решетников

К 13 Жизненно еще более зрелым человеком пришел на войну Георгий Доронин, но, как и Богатков с Суворовым, настоящий поэтический голос обрел он на фронтовых дорогах. От имени выдуманного им бойца Саши Сибирякова

Г. Доронин вел поэтическую летопись своей дивизии, где служил ответственным секретарем дивизионной газеты. Стихи и назывались соответственно: «Саша у огонька», «Саша идет в атаку», «Саша сибиряков в бою за высоту» и т.д. Стихи капитана Доронина нередко печатались как листовки и передавались по цепи из рук в руки. **Да, собственно, и автор их — Г. Доронин — известен был очень немногим, зато Сашу Сибирякова знали хорошо.**

Здесь же, в дивизионной типографии была издана единственная прижизненная книжка Г. Доронина под названием «Сыны великого народа».

В ней всего полтора десятка страниц, но, поистине, каждая из них пахнет порохом.

Жизненный и творческий путь Г. Доронина в один из летних дней 1943 года оборвала вражеская мина, но остался «веночек героям» (так он иногда называл собранные в его книжке стихотворения), сплетенный из взволнованно-патетических строк, зовущих к победе:

Мы помним трепетом объятый
Восхода вымпел золотой.
В наш сад в то утро враг проклятый
Ступил кровавою пятой.

Лишь только пали злые тени
Сквозь утра ясные лучи,
Покинув мудрые селенья,
Мы взяли ружья и мечи.

И клятву помня боевую,
Мы шли, накапливая гнев.
Шинель, пилотку фронтовую
Красноармейскую надев.

За честь страны и за свободу,
За вольный труд и край родной
Сыны великого народа
Ведут с врагами смертный бой...

К 14 Об известном советском поэте **Иосифе Уткине** знают многие. Он родился в 1903 году в г. Иркутске. Участвовал в гражданской войне, был ответственным секретарем первой комсомольской газеты в Иркутске. Практически с самого начала войны Иосиф Уткин стал фронтовым журналистом и фронтовым поэтом. Многие из его страстных стихов той поры написаны непосредственно на передовой, в блиндажах и окопах. В его военных стихотворениях та же искренность, простота формы и напевность, которые и составляют поэтический стиль Иосифа Уткина. Ибо, как писал сам поэт, «лирика есть не жанр, как у нас наивно привыкли думать, а натура художника». Это были стихи о людях на войне, стихи о бесстрашии, о верности и о родной земле. Его военные стихи помогали бойцам выжить и победить, их знали, их читали в перерывах между боями, их пели...

В сентябре 1941 года, во время боев под Ельней, осколком мины Иосифу Уткину оторвало четыре пальца на правой руке. Можно было забыть об игре на гитаре и о том, чтобы писать самому. Но он словно бы не заметил своего увечья: даже в полевом госпитале продолжал писать стихи, теперь уже диктуя их. Там он создает два сборника фронтовой лирики –

«Фронтовые стихи» и «Стихи о героях». Вскоре поэт добился того, чтобы ему разрешили снова ехать на фронт.

*Ничего любовь не позабыла,
Прежнему по-прежнему верна:
Ранила ее, но не убила
И не искалечила война.*

Это стихотворение было опубликовано 19 мая 1944 года. Через неделю, 28 мая, Иосифу Уткину исполнился 41 год. Через полгода, 13 ноября 1944 года, самолет, на котором он возвращался в Москву, потерпел катастрофу и разбился. Последней книжкой, что держал в руках погибший поэт, был томик Лермонтова...

«Если я не вернусь, дорогая»

Если я не вернусь, дорогая,
Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это – другая
Это значит ... сырая земля.
Это значит, дубы – нелюдимы
Надо мною грустят в тишине,
А такую разлуку с любимой
Ты простишь вместе с родиной
мне.

Только вам и всем сердцем
внемляю,
Только вами и счастлив я был:
Лишь тебя и родимую землю
Я вам сердцем, ты знаешь, любил.
И доколе дубы – нелюдимы
Надо мной не склоняться, дремля
Только ты мне и будешь любимой,
Только ты, да родная земля!

К 15 Другом И. Уткина был Джек Алтаузен.

По-разному работали поэты на войне и во время войны. Д. Алтаузен писал для номера армейской газеты. В Москву он стихов не посылал, был целиком занят своей газетой, нуждами армии. Это может показаться удивительным, но в конце 1941 года Военный совет армии специально заседал «по заслушиванию стихов Д. Алтаузена». Вполне возможно, что прославленные военачальники слушали Джека, чтобы подзанять у него бодрости, зарядиться его волнением – время было очень тяжелое.

На войну уходил я из дома,
Плыл над городом день голубой.
Переулком, где все нам знакомо,
Шли мы рядом, родная, с тобой.

На прощанье ты твердо сказала:
- Надо край наш любимый спасти. –
И сама помогла до вокзала
Вещевой мой мешок донести.

Оглянулся я молча – и замер:
На перроне, средь ясного дня,
Сотни женщин махали платками,
На войну провожая меня.

И успел я прочесть в каждом взоре:
«Милый, будь беспощаден в борьбе,
Пусть великое русское горе
Гневом сердце наполнит тебе...»

И потом, вспоминая об этом,
Через лес, оглашенный пальбой,
Озаренный январским рассветом,
С автоматом я ринулся в бой.

Я фашистской не кланялся пуле,
Не робел, не терялся в дыму,
В грозном грохоте, в огненном гуле
Нес я гибель врагу своему,

И рука у меня не дрожала,
Потому что в тот день голубой
Вся отчизна меня провожала,
Весь народ провожал меня в бой.

К 16-17 Имя талантливого сибирского поэта Ивана Черепанова сегодня мало кто помнит. В 25-летнем возрасте он погиб на фронте. Но остались его стихи. Спустя годы его друг Василий Стародумов вспоминал: «...он писал свои стихи набело, без помарок, «единым дыханием». Писатели Г. Марков, Г. Кунгуров, А. Ольхон и К. Седых высоко ценили талант Ивана Черепанова и прочили ему будущность большого поэта.

Иван Александрович Черепанов родился 24 июня 1918 г. в крестьянской семье в поселке Жилкино под Иркутском. Согласно некоторым источникам, закончил лишь начальную школу, согласно другим свидетельствам, образования получить не сумел и самостоятельно научился грамоте по книгам, интерес к которым проявил рано. Трудился рабочим на мясокомбинате, по вечерам занимался в библиотеке - читал книги, писал стихи. И учился на рабфаке университета.

К 18 – 19 На деревянном обелиске друзья-однополчане Владимира Чугунова написали: «Здесь похоронен В. Чугунов – воин-поэт-гражданин, павший 5 июля 1943 года. Ему было 32 года.

9 мая 1943 года Чугунов писал жене: «Живем мы боевой жизнью, колотим фрицов, часто вспоминаю о доме... Хотел бы я сейчас посмотреть на Светланку. Если есть карточка – пошли, а чего доброго, и не увижу больше...»

«Светлана»

Я друзей обманывать не стану:
Сердце не грубеет на войне –
Часто дочь, трехлетняя Светлана,
Среди сна является ко мне.
Теплая и нежная ручонка
Норовит схватиться за рука...
Но скажу я в этот мир, ребенка
На коленях нежно приласкав,
Что не скоро я вернусь обратно,
А возможно, вовсе не вернусь.
Так закон диктует в деле ратном:

«Умирая, все-таки не трусь!»
Может быть, в журнале или в газете,
Желтые от событий и времен,
Дочь моя, читая строки эти,
Гордо скажет: «Храбро умер он!»
А еще приятней, с нею вместе
Этот стих короткий прочитать,
Говорить о долге, славе, чести,
Чувствуя, что был тогда ты прав.

Лейтенант Владимир Чугунов, погибший в июле 1943 года на Курской дуге, писал в своих стихах как о подвигах воюющего фронта, так и о «гвардейцах тыла», которые самоотверженным трудом помогали громить врага. Поэт убедительно доказывал, что это звенья одной цепи, ведущей к победе

и

миру.

У поэтов фронтового призыва было чрезвычайно развито предчувствие близкой, на каждом шагу подкарауливающей смерти. В. Чугунов не являлся в этом плане исключением.

А завтра в бой!

Быть может, смерть
Свершит над кем-нибудь расправу.
Он упадет на землю в травы,
Но жаворонки будут петь,
Цвести ромашки, незабудки
И многошумный лес шуметь ...

В 1942 году ушел добровольцем на фронт. В звании лейтенанта, Чугунов командовал стрелковым взводом, потом взводом автоматчиков. В редкие минуты затишья писал стихи о крепкой фронтовой дружбе, о подвигах товарищей, о красоте природы.

"Перед атакой"

Если я на поле ратном,
Испустив предсмертный стон
Упаду в огне закатном
Вражьей пулею сражён.
Если ворон, словно в песне,

Надо мною круг замкнёт,
Я хочу, чтоб мой ровесник
Через труп шагнул вперед.
Пусть ускорит он походку
Среди выжженной травы
Пропотевшую пилотку,
Не снимая с головы.
И, зажав винтовку твёрдо
Отомстит за смерть мою
За страдания народа
И за Родину свою.

Казалось, что война должна была убивать в человеке все человеческое. Но в поэзии Чугунова все иначе. В редкие минуты затишья, бойцы с теплотой вспоминали о доме, о родных, обостренно воспринимали красоту окружающей природы. Для тех, кто каждый день ходит рядом со смертью, каждое мгновение тишины имело глубокое значение. И даже, зная, что могут умереть завтра, они с особым трепетом вслушиваются в пророчества кукушки, желавшей долгих лет жизни.

«Кукушка»

Над головою пуля просвистела;
Шальная иль прицельная она?
Но, как струна натянутая, пела
Пронизанная ею тишина.
Меня сегодня пуля миновала,
Сердцебиенье, успокоив мне,
И тот же час в лесу закуковала
Веселая кукушка на сосне.
Хорошая народная примета:
Нам жить сто лет, напололам деля
Всю ярость бурь и солнечного света,
Чем так богата русская земля.

В составе 585-го стрелкового полка 213-й стрелковой дивизии 7-й гвардейской армии Воронежского фронта Владимир Чугунов участвовал в Курской битве. Его убило 5 июля 1943 года взрывной волной, когда он вел в атаку своих бойцов во время боя за село Безлюдовка. Похоронен в братской могиле в селе Безлюдовка Шебекинского района Белгородской области. На деревянном обелиске друзья написали: "Здесь похоронен Владимир Чугунов - воин - поэт - гражданин, павший 5 июля 1943 года".

Хорошо, товарищ после боя,
Выдыхая дым пороховой,
Посмотреть на небо голубое –
Облака плывут над головой.
И в затихшем орудийном гуле,
Что в ушах моих ещё звенит,
Вся страна в почетном карауле
Над убитым воином стоит.

Жизнь Владимира Михайловича Чугунова была оборвана пулей, но остались его стихи, как память о поэте, выполнившем свой долг перед Родиной. Его произведения неоднократно издавались и в послевоенное время. Они вошли в сборники «Огненная роспись», «Избранное», «Клад на Алчедате» и др.

К 20 Особое место в поэзии Сибири, посвященной Великой Отечественной войне, принадлежит тем ее представителям, кто «с боями прошел пол-Европы» (**И. Ветлугин**), выжил и вернулся победителем. В отличие от братьев-коллег, судьба предоставила им возможность художественно осмыслить и донести правду о Великой Отечественной войне до новых читательских поколений.

Александр Смердов, Леонид Решетников, Николай Перевалов, Иван Ветлугин, Марк Юдалевич, Иван Краснов, Михаил Небогатов, Евгений Павличенко, Леонид Чикин... — всем им пришлось пройти с боями не одну сотню километров фронтовых дорог. Им выпало отразить не только военные будни, но и то, что случилось «позднее», «потом». Тот же И. Ветлугин на своего сверстника-бойца (см. стихотворение «Сверстнику») в 1945 году смотрит уже несколько иначе, нежели в 1941-м. Пройденная с боями дистанция не могла не сказаться:

Нам порою дают за тридцать
по лучистым морщинкам у глаз.
Что поделаешь, если лица
в двадцать три постарели у нас.
Горе было таким тяжелым,
только вспомни — захватит дух.
Шло оно по цветущим селам,
превращая девчат в старух.
Чтобы девушки не поседели,
чтобы жили они не скорбя,
в двадцать лет мы надели шинели,
горе приняли на себя.

К 21 Смердов

В годы войны Александр Смердов писал своеобразные стихотворения «письма с передовой», где личные переживания органично сочетались с гражданскими и патриотическими мотивами. Поэт воспел мужество и стойкость воинов-сибиряков, создал собирательный образ сибирского «Василия Тёркина» (фронтовая книга стихов «Сибиряк Тарас Клинков», 1942).

У А. Смердова есть стихотворный цикл под общим примечательным названием «Письма с передовой». И обстановка и чувства в них переданы реально, зримо:

...Ночь. Блиндаж. Не спал давно я.

Я б заплакать мог,

Если бы сейчас со мною побыла часок.

Однако ж эти глубоко личные, на первый взгляд, воспоминания и переживания становятся для лирического героя А. Смердова источником силы, стойкости и оптимизма:

И не нас — врага пусть давит смертная доска,

Пусть его завять заставит черная тоска.

Пусть уж он боится смерти на пути своем...

Мы, родная, все на свете, все переживем.

В основу замысла лег подвиг земляка и друга Смердова, молодого новосибирского поэта Бориса Богаткова, но главный герой Сергей Снежков несет в себе лучшие черты всей молодежи сороковых годов. И посвящает свое произведение автор двум поэтам-сибирякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, — Борису Богаткову и Георгию Суворову. Смердов так писал о замысле поэмы: «Пушкину, войне, русской солдатской отваге и беззаветности во имя жизни и любви...»

Да и содержание стихов никак не расходилось с их формой: писали фронтовые поэты о том, чем жили сами и их товарищи — об очередной атаке, об умершем рядом на твоих глазах друге, о бойцах, отдыхающих после боя... Короче говоря, содержанием стихов тех лет стала сама война во всех ее проявлениях, сюжет которой был чрезвычайно изменчив и непредсказуем.

При немалом разнообразии форм и жанров большое распространение в поэзии военных лет получили стихотворные циклы со сквозным центральным персонажем — смелым, находчивым, удачливым бойцом, умеющим с честью выйти из любых передраг. На ум, конечно, сразу же приходит незабвенный Василий Теркин А. Твардовского. Но были у него свои литературные братья и у поэтов-сибиряков: у А. Смердова — Тарас Клинков, у М. Юдалевича — старшина Иван Боёк, (про Сашу Сибирякова Г. Доронина выше мы уже говорили).

В такой своеобразной художественно-публицистической форме поэты откликались на события текущей фронтовой жизни. Написанные с юмором, в живой, образной разговорной манере, эти «книжки про бойца» имели у наших воинов большой успех. Более того, многие солдаты на передовой искренне верили в существование этих вымышленных литературных героев, писали им письма со словами благодарности, просьбами, пожеланиями, обращались за советами.

Воин-герой, сначала защитник земли русской, а потом и освободитель был в центре поэзии 40-х годов. Но в создании обобщенного его образа таилась и определенная опасность: нередко под пером некоторых авторов он бронзовел или окаменевал настолько, что терял совершенно живые человеческие черты. Наверное, именно этот «перегиб» имел в виду Леонид Решетников, создавая свое стихотворение «Герой». Его лирический герой смотрит на мемориальный монумент солдату-победителю и в его памяти возникает совсем другой образ — куда более обыденный и приземленный:

И он мне видится иначе,
Нескладен, угловат и тих,
Он был не то чтобы невзрачен,
Но не отличен от других.

Но как раз этот, внешне не видный солдат, который «и пуле кланялся, бывало», в решающую минуту был по-настоящему «красив, отважен и велик».

И в своем не помпезном, неброском величии русский солдат был не одинок. О чем и напоминает в стихотворении, посвященном фронтовым медсестрам, Николай Перевалов;

Сестрички русские, косички русые, а мы безногие, а мы безусые. А мы бывалые, с глазами впалыми, двадцатилетние, навек усталые.	над снами нашими ночей не спавшие, роднее матери порой бывавшие, какой вам памятник воздвигнуть в памяти — вам, беззаветные, вам, милосердные!..
---	---

Память о тех, о ком «на всю планету обелиски бессонным голосом кричат», станет для поэтов-фронтовиков поистине неистребимой. Она как старый, засевший под сердцем осколок, с возрастом не только не исчезает, но и дает о себе знать все сильнее. Память эта — еще и своеобразный камертон, по которому поэты-фронтовики сверяли как

собственную жизнь, так и дела и поступки своих современников. Наконец, она — связующая поколения преемственная нить. Вспоминая «об ушедших учителях», Леонид Решетников писал, что они, «словно мамонтовы кости... пройдут сквозь лет редут и к нам, оставшимся, не в гости — к себе домой не раз придут», что «их вера, мера, их уроки и нынче — наш боезапас». Но есть в этой светлой памяти горький привкус вины перед погибшими. Особенно перед теми, кто принял на себя самый первый и самый тяжелый удар:

Пусть у войны на срок любой права
Суровы.
Но не будем притворяться, —
Та истина жестока и права:
Как страшно первым под огнем подняться!
Еще страшней и горше знать о том,
Какого б ни был званья или ранга,
Что ты — один, без тыла и без фланга, —
И где там — фронта линия, где дом?..
Вот отчего, когда горнист, как вестник
Торжеств народных, горн к губам несет, —
Прости меня, мой фронтовой ровесник,
Я вспоминаю 41-й год.

Жизнь кузбасских поэтов и писателей, прошедших фронтами Великой Отечественной войны сложилась по разному. Но у каждого, и в биографии, и творчестве всегда присутствовала - Великая Отечественная война. Ее участниками были: поэты - Михаил Борисов, Евгений Буравлев, Михаил Небогатов, Георгий Доронин, Владимир Мамаев, Владимир Чугунов, Алексей Измайлов, Анатолий Козлов; писатели - Александр Волошин, Владимир Ворошилов, Геннадий Молостнов, Олег Павловский, Владимир Власов, Виль Рудин.

Михаил Федорович Борисов в 17 лет добровольцем ушел на фронт. Во время Курской битвы под Прохоровкой он совершил свой главный подвиг: лично подбил семь танков. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 01.01.01 года за мужество и героизм, проявленные в боях, гвардии старшему сержанту Борисову Михаилу Фёдоровичу было присвоено звание Героя Советского Союза. Победу он встретил в Берлине. После войны около 20 лет проработал в исправительных учреждениях и на стройках Кузбасса. Борисов - автор более 30 сборников стихов, среди которых много о Великой Отечественной войне.

Я возвращаюсь всякий раз туда
В окопный быт,

В обугленные дали,
Где мы не так уж много и познали,
Но без чего не вышли бы сюда.



Буравлёв стоял у истоков кузбасской литературы. В 1962 году было создано Кемеровское отделение Союза писателей РСФСР и Буравлев был избран ответственным секретарём Кемеровской писательской организации, которую возглавлял до 1971 года. Буравлев - автор многих лирических сборников стихов, поэм и песен. Всю войну прошел с первого до последнего дня. Но стихов о войне написал мало. Тяжелые воспоминания мешали ему писать о том суровом времени.

О мужестве много сказано слов.
Я видел его в лицо.
Его палачи привели к нам в село,
В железное взяв кольцо.
На окнах домов, на церковном кресте
Метались блики костров.
Во всей первозданной своей красоте
Шло оно мимо дворов...
И все, когда узел рассек за спиной
Нож палача, остер,
Увидели: девушкой самой земной
Мужество шло на костер.



Вся жизнь поэта Михаила Александровича Небогатова была связана с Кузбассом. На войне он оказался с самого начала. Его первые стихи помечены годами 1941-1945-й. Война навсегда осталась в его сердце. Из года в год в своем творчестве он возвращался к этой кровоточащей теме. В стихотворениях военного времени Небогатов обобщенно выразил чувства, которые владели миллионами солдат на маршах, под артобстрелом и бомбовыми налетам.

"Смерть повсюду -
в тонком свисте пули,
В вое мин,
который душу рвет,
В жуткой песне бомб,

в моторном гуле.
Смерть тебя на каждом
месте ждет".



Георгий Антонович Доронин жил и работал в Новокузнецке, когда началась война. В 1942 году в составе Сибирской добровольческой Сталинской стрелковой дивизии № 000 ушел на фронт. В звании капитана был назначен на должность заместителя редактора фронтовой газеты "Боевая Красноармейская". Вместе с Дорониным в дивизию пришел и герой поэмы-легенды, смелый и неунывающий красноармеец Саша Сибиряков. Это собирательный образ, сибирский Василий Теркин, от имени которого

Георгий Доронин каждый день рассказывал о подвигах сибиряков-добровольцев.

Он ведет в пути разведку,
Он с бойцами говорит,
Он усталых, словом метким,
Шуткой, смехом подбодрит.



Двенадцатилетним мальчишкой сбежал на фронт Владимир Михайлович Мамаев. В 1942 году проживал в местах формирования 483-го Севастопольского минометного полка 2-й Гвардейской армии. Его неоднократно отправляли учиться в Суворовское училище, но он постоянно возвращался в часть. Так в 12 лет Владимир стал сыном полка и толковым разведчиком. С армией он прошел от Сталинграда, через Украину, Крым, Белоруссию до самой западной границы. После войны вернулся в Кемерово. Давно отгремела война, а из памяти все никак не уходила, не давала спокойно жить, и Мамаев стал писать стихи:

По дорогам весенним разбитым,
А порою совсем без дорог
Шел солдат, что считался убитым,
Шел солдат – не идти он не мог!



Владимир Алексеевич Измайлов был призван в действующую армию в 1943 году и с боями прошел по фронтам Великой Отечественной войны. После демобилизации в 1946 году приехал в Кузбасс. Стихи писал с детства, но как поэт Измайлов сформировался в грозные годы войны. Тема войны

впоследствии стала ведущей в творчестве поэта. "В войну разведчик, после войны газетчик" - так писал он о себе.

Я познаю жизнь и землю,
И в жизни на Земле - себя,
И только смерти не приемлю,
Что слепо рыщет, жизнь губя.



Владимир Михайлович Чугунов до войны несколько лет учился и работал в городе Анжеро-Судженск. В 1942 году ушел добровольцем на фронт. Командовал стрелковым [взводом](#), взводом автоматчиков. Писал стихи о фронтовой дружбе, о подвигах товарищей. Участвовал в Курской битве. Его убило [5 июля](#) 1943 года взрывной волной, когда он вел в атаку своих бойцов. Похоронен в братской могиле у станции Безлюдовская, Шабановского района [Курской области](#). На деревянном обелиске написано: "Здесь похоронен Владимир Чугунов - воин - поэт - гражданин, павший 5 июля 1943 года ". Его стихотворение «Перед атакой» стало посмертным завещанием живым:

Если я на поле ратном,
Испустив предсмертный стон
Упаду в огне закатном
Вражьей пулей сражён.
Если ворон, словно в песне,
Надо мною круг замкнёт,
Я хочу, чтоб мой ровесник
Через труп шагнул вперед.
Пусть ускорит он походку
Среди выжженной травы

Пропотевшую пилотку,
Не снимая с головы.
И, зажав [винтовку](#) твёрдо
Отомстит за смерть мою
За страдания народа

И за Родину свою.



Анатолий Михайлович Козлов во время войны служил на Дальнем Востоке в авиации. Участвовал в войне с Японией, освобождал Северную Корею. После войны 26 лет отработал в [Кемеровском областном](#) УВД. Первые стихи Козлов опубликовал в армейской газете в 1943 году. Содержанием его стихов тех огненных лет была война во всех ее проявлениях и, которая навсегда осталась в памяти поэта.

"Вокруг меня дымят одни воронки,
И все перековеркано кругом.
Неужто улетела похоронка
Как черный ворон, в мой родимый дом?

Почаще бы нам всем вспоминать эти мудрые строки. Может быть, тогда не приходилось бы лишний раз браться за оружие.

Иван ЧЕРЕПАНОВ. Родился в Иркутске в 1919 году. На фронте с первых дней войны. Погиб 2 февраля 1943 года в бою за город Ростов.

ОБРЫВ

Они уж биться не могли,
Врагов же было слишком много.
Их взяли в плен и повели
К обрыву узкою дорогой.

А день курил свой аромат,
И солнце в сини неба южной,
Спускаясь тихо на закат,
Кольцом казалось жемчужным.

Но вот и берег, и обрыв.
Но вот и пенистое море.
И волн мятущихся разлив,
И крики чаек на просторе.

И каждый смотрит, твёрд и нем,
Глаз оторвать от птиц не смея.
И привязали крепко всем
Им камни грузные на шею.

И сбросили с обрыва вниз
Всех за любовь к родной Отчизне.
А под обрывом птичий свист
Твердил настойчиво о жизни.

МАТЬ И СЫН

В год тревожный, незабвенный
Власть рабочих отстоять
В дальний край, в поход военный
Отправляла сына мать.

Провожала – говорила:
– Враг отнял у нас отца,
Отплати за кровь, сын милый,
Бейся храбро, до конца.

Вздрогнул конь, вздохнул всей грудью,
Оторвался от земли.
– Ну, прощай, я не забуду! –
И умчался конь в пыли.

Долго мать платком махала
У обветренных кустов.
Долго слышался за валом
Гулкий, drobный стук подков.

Через месяц в тихий вечер
На дворе раздался гуд.
Вышла мать, а ей навстречу
Сына мёртвого везут.
Привезли, на холст у гроба
Положили близ ворот.
И до ночи, полон злобы,
Проклинал врага народ.

А на завтра утром алым,
Схоронивши сына прах,
Мать с бойцами уезжала
С карабином на плечах.

Джек АЛТАУЗЕН. Родился в 1907 году на одном из Ленских приисков. Жил в Иркутске и в Москве. Первым из поэтов Великой Отечественной был награждён орденом Красного Знамени. Погиб 27 мая 1942 года под Харьковом.

РОДИНА

Разве можно свой край не любить,
Отвоёванный саблей бывалой,
Где ты рос, где ты стал запевалой,
Самолёт научился водить,

Где ты в бурю не раз на штурвал
Клал без страха тяжёлую руку.
Где ты всё: и любовь, и разлуку,
Сладость славы и дружбу узнал?

Много стран есть на свете других,
Те же птицы там в воздухе реют,
Те же зёрна там в яблоках зреют,
Те же косточки в вишнях тугих.

Но такая, как наша, – одна!
Всю её омывает волнами,
Вся она в полный рост перед нами,
Озарённая солнцем, видна.

ВСЯ ОТЧИЗНА МЕНЯ ПРОВОЖАЛА

На войну уходил я из дома,
Плыл над городом день голубой.
Переулком, где всё нам знакомо,
Шли мы рядом, родная, с тобой.
На прощанье ты твёрдо сказала:
– Надо край наш любимый спасти. –
И сама помогла до вокзала
Вещевой мой мешок донести.
Помню я, на углу возле сквера
Чья-то девочка к нам подошла,
Улыбнулась: – Зовут меня Вера, –
И на память кисет поднесла.
А потом поглядела построже,
Детский взгляд мне её не забыть:
– Я хотела бы, дяденька, тоже
До вокзала тебя проводить!
И пошли вы, меня провожая,
Обе полные думой одной,
Ты и девочка эта чужая,
Что навеки мне стала родной.
Помню лица, мелькнувшие мимо,
Голубей на киосках цветных,
Чей-то возглас: «Соколик родимый,
Там, на фронте, стой за своих!»
И старушка, что даже не знала,
Чей я, кто я и как меня звать,
Вместе с нами пошла до вокзала,
Словно сына, меня провожать.
И когда на ступеньках вагона
Мы безмолвно с тобой обнялись,
Посмотрела она умилённо

И сказала: – Сынок, оглянись!
Оглянулся я молча – и замер:
На перроне, средь ясного дня,
Сотни женщин махали платками,
На войну провожали меня.
И успел я прочесть в каждом взоре:
«Милый, будь беспощаден в борьбе,
Пусть великое русское горе
Гневом сердце наполнит тебе...»
И потом, вспоминая об этом,
Через лес, оглушённый пальбой,
Озарённый январским рассветом,
С автоматом я ринулся в бой.
Я фашистской не кланялся пуле,
Не робел, не терялся в дыму,
В грозном грохоте, в огненном гуле
Нёс я гибель врагу своему.
И рука у меня не дрожала,
Потому что в тот день голубой
Вся Отчизна меня провожала,
Весь народ провожал меня в бой.

Иосиф УТКИН. Родился в 1903 году. Жил в Иркутске и в Москве.
Погиб 13 ноября 1944 года в авиакатастрофе, возвращаясь из партизанского края.

* * *

Лампы неуверенное пламя.
Непогодь играет на трубе.
Ласковыми, нежными руками
Память прикасается к тебе.
К изголовью тихому постели
Сердце направляет свой полёт.
Фронтная музыка метели
О тебе мне, милая, поёт.
Ничего любовь не позабыла,
Прежнему попрежнему верна:
Ранила её, но не убила
И не искалечила война.
Помню всё: и голос твой, и руки,
Каждый звук минувших помню дней!
В мягком свете грусти и разлуки
Прошлое дороже и видней.

За войну мы только стали ближе,
Ласковой. Прямей. И оттого
Сквозь метель войны, мой друг, я вижу
Встречи нашей нежной торжество.
Оттого и лампы этой пламя
Для меня так ласково горит,
И метель знакомыми словами
О любви так нежно говорит...

Тема многострадального нашего прошлого и значение Сибири в исторической судьбе России в сибирской поэзии военных лет переживает второе рождение. Очень точно, лаконично, емко и образно высказался по этому поводу в коротком стихотворении «Сибирь» совсем еще молодой тогда Василий Федоров:

Учитель через много лет
Вопрос прочтет на детских лицах:
Как обновлялся Старый свет
В своих изломанных границах?

Чем наша Родина жила?
Кому судьбу своюверяла?
И где тогда Сибирь была -
Все там же, за хребтом Урала?

И давней битвы рваный след
Спокойно обведя рукою,
Он скажет:
В дни народных бед
Сибирь стояла под Москвою.

41-й год сибирские поэты фронтового поколения вспоминают еще по одной важной причине: каким бы тяжелым и трагичным он ни был, но именно к его исходу, с появлением под Москвой сибирских дивизий, наконец-то наступил перелом — затяжное, с самого начала войны отступление прекратилось, и гитлеровские войска впервые получили решительный отпор. Сибирские полки стали надежным заслоном для столицы. А в дальнейшем они покрыли себя неувядаемой ратной славой.

С декабря 1941 года маятник Великой Отечественной войны, стремительно двигавшийся на восток, приостановился. Но впереди были Сталинград и Прохоровка... И — еще почти четыре года кровопролитной эпопеи, которая не закончилась, как известно, даже с падением Берлина, и в августе 45-го ее огонь с запада перекинется на Дальний Восток.

Этот радостный, но и одновременно драматичный момент, когда победа в битве с одним врагом становится как бы исходной точкой в борьбе с другим, хорошо отразил поэт Леонид Чикин в стихотворении «В день Победы»:

Война кончается.
Дымится
Берлин
и корчится в огне...
Наш поезд мчится, мчится, мчится
по забайкальской стороне.
Война, бои, походы, слава
и с гимнастерок блеск наград...
А нас от той войны кровавой
Везли который день подряд.
Туннели, сопки, речки, хаты.
И стон колес, и рельсов звон.
Так — восемь дней.
А на девятый —
Хабаровск...
Воинский перрон
забит ликующим народом,
над ним — не выцветший кумач,
что берегли четыре года,
и чей-то смех, и чей-то плач.
И, понимая наши взгляды, —
мол, что за смех и праздник тут? —
кричал калека нам:
— Ребята! Ребятюшки!
Войне капут!
Победа?
Слышите, славяне?
А завтра праздник — пей и пой...
Но в день Победы утром ранним -
«Равняйсь!» —
и замер строгий строй.
И тихо, будто по секрету,
сказал нам замполит полка,
что это лишь одна победа,
другая — впереди пока.
Со времени победных залпов Великой Отечественной войны прошло 75 лет,
но отзвуки ее доносятся до наших дней. По образному
выражению того же И. Краснова, «нас еще догоняют осколки, // Острозубые
волки войны». Осколки эти уже основательно выкосили ряды поэтов-
фронтовиков. Один за другим они уходят от нас, но всем своим творчеством,
точкой отсчета которого была Великая Отечественная война, вызывают ко
всем, кто остался после них: «Любите жизнь, войну не забывайте, // Не
забывайте, милые, про нас...»